

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА
РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Обратимся к общей теме нашего сборника: «Философское мышление, взгляд писателя». В свете этого есть любопытное представление, почти наполеоновского масштаба, – о том, что «трем типам цивилизации (космогенной, техногенной и антропогенной) соответствуют три этапа эволюции философского знания (онтологический, гносеологический и аксиологический). Последний – и высший – можно числить лишь с середины XIX века, зато он раскрыт на перспективу».¹ Правда, применительно к подобному обобщению можно уже сказать словами Порфирия Петровича: «Вы мне <...> на слово-то, пожалуй, и не верьте, пожалуй, даже и никогда не верьте вполне...» (6, 352). Потому что сделано обобщение очень уж претенциозное, чтобы быть достоверным. Однако в этом – аксиологическом – преломлении философского знания тексты Достоевского действительно прочитываются очень выразительно и многозначно.

Материал настоящей статьи – роман «Преступление и наказание». Само название – разве не аксиологично? В нем просматриваются и многие сложности аксиологии. Например, налицо признаки оценочного отношения, притом негативного. Герой совершил кровавое убийство – ведь это *преступление*. И еще – это преступление против собственной личности (права Соня Мармеладова, когда восклицает: «...что вы это над собой сделали!», 6, 316). С другой стороны, все в том же «преступлении» – все признаки и позитивного ценностного отношения. Т. е. само оно Раскольниковым воспринимается и как *ценность*, как некий аксиологический ориентир. Вот из первой главы: «...чего люди

¹ *Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры. СПб., 1996. С. 31.

больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся...» (6, 6). Его манит этот шаг, он жаждет его сделать. Позднее он будет поучать даже сестру Дуню, явно ориентируясь на свой опыт: «...дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее – несчастна будешь, а перешагнешь – может, еще несчастнее будешь...» (6, 174). Перешагнуть черту – это преступление. И оно со всей очевидностью аксиологично.

Итак, в этом сказываются сложности аксиологического подхода. Какие именно? Прежде всего, у Достоевского оценочные и ценностные впечатления героев чаще всего очень тесно связаны, порой перетекают одно в другое. Еще раз припомним начальный момент романа, когда Раскольников манит сделать роковой шаг. Дальше поясняется в ремарке: «...когда уж очень размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, месяц спустя, он <...> “безобразную” мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприимчив...» (6, 7). А потом, уже после произведенной «пробы», следует впечатление: «На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!...» (6, 10). Ведь это перед нами очевидная *переоценка ценности* (более того – *мечты*).

Восприятие преемственной взаимосвязи оценки и ценности мне видится и в научно-творческом пути «пионера» аксиологического подхода в российском литературоведении, В. А. Свительского. Его докторская диссертация в 1995 г. написана на тему «Герой и его оценка в русской психологической прозе 60–70-х годов XIX века». ² А последняя монография в 2005 г. имела названием – «Личность в мире ценностей (Аксиология русской психологической прозы 1860–1870-х годов)». ³

Но вернемся к роману Достоевского. Рискну утверждать, что в любом его более или менее значимом эпизоде аксиологические впечатления героев сказываются очень выразительно, порой даже «густо», насыщенно. Вот, например, Пульхерия Александровна Раскольникова спрашивает Разумихина

² Свительский В. А. Герой и его оценка в русской психологической прозе 60–70-х годов XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1995. 38 с.

³ Свительский В. А. Личность в мире ценностей (Аксиология русской психологической прозы 1860–1870-х годов). Воронеж, 2005. 232 с.

о своем сыне: «Какие у него желания и, так сказать, мечты, если можно? Что именно теперь имеет на него особенное влияние? Одним словом, я бы желала...» (6, 164–165) – т. е. она желала бы узнать то же, что может быть интересно и нам: что у него за ценности? Есть ли идеалы? А вот какой следует ответ Разумихина: «Ужасно *высоко себя ценит* и, кажется, не без некоторого права на то» (6, 165, здесь и далее курсив в цитатах мой. – А. В.). Или другой пример, из рассказа Мармеладова о том, что толкнуло Соню на панель. Катерина Ивановна тогда выразилась: «А что ж <...> *чего беречь? Эко сокровище!*» (6, 17). Это – оценка; а ведь имеется в виду и ценность, которой стоит пожертвовать – ради ценности более насущной.

Итак, с оценками и ценностями – всё непросто. Но даже и с ценностями как таковыми связаны не меньшие сложности. Слишком они бывают разные – от материальных до духовных, от реально достижимых до мечтательно недостижимых. Они еще и по-разному выражены в психологии и поведении. И в этой связи приходится их условно упорядочивать. Одна из возможностей к этому – использование принципа иерархии.

Прежде всего имеет смысл использовать как наиболее общее понятие – *аксиологические ориентиры*. Одними человек руководствуется непосредственно; они – постоянные регуляторы его поведения, даже на уровне инстинктов. Их можно назвать аксиологическими *нормами*. Другие человек лишь имеет в виду, сознательно или подсознательно. Он к ним стремится и надеется их достичь. Это собственно *ценности*, причем любого рода. И наконец, ориентиры высшего порядка, далеко не каждому доступные, – это *идеалы*. Лишь немногие люди (а персонажи тем более, ибо наши классики – учителя строгие) – так вот, немногие способны жить *в свете идеала*, т. е. руководствоваться тем, что вообще недоступно – недоступно «пока что» или даже «в принципе».

В этой связи приведу первый пример. Соня Мармеладова говорит о своей мачехе, Катерине Ивановне: «Она справедливости ищет <...>. Она сама не замечает, *как это всё нельзя, чтобы справедливо было в людях*, и раздражается... Как ребенок, как ребенок!» (6, 243). На первый взгляд, это очень неожиданные слова. Как это так: Соня, с ее чистой, доверчивой душой, глубоко верующая – и вдруг не верит в самую достижимость справедливости. Почему? Дело в том, что эта героиня именно

одна из немногих. И для нее справедливость – это идеал, для большинства недостижимый. Однако сама она идеалом этим живет и даже в свете справедливости себя умеет судить. Например, обвиняет себя в жестокости, чем безмерно удивляет Раскольникова (она, видите ли, отказала Катерине Ивановне в каких-то «воротничках»).

А вот мачеха ее «справедливости ищет», истерично ее требует. Как и Раскольников, кстати, со своей альтернативой: «Лужину ли жить и делать мерзости, или умирать Катерине Ивановне?» (6, 313). В обоих вариантах справедливость представляется ценностью, которой нужно добиваться любыми средствами, вплоть до убийства. Но какова же цена такой «справедливости»? Насколько она сама *справедлива*? Катерина Ивановна готова колотить мужа, послать приемную дочь на панель, а родных детей вывести попрошайничать. И при этом апелляции к справедливости не сходят у нее с языка. Как добывается своей справедливости Раскольников – всем памятно.

Так что если кто и прав в отношении к справедливости, так это Соня. Никакая это не ценность, потому что стремиться к ней и вполне достигать ее в любых обстоятельствах – никому пока еще не дано («в людях это нельзя», – проговаривает она. Полнота – лишь в справедливости Божеской).

Интересно, что справедливость как некий ценностный ориентир имеют в виду почти все более или менее значимые персонажи: Лужин, Лебезятников и др. Вспомним и Свидригайлова. Вот он предлагает Раскольникову вообразить вечность в виде деревенской баньки с пауками: «И неужели, неужели вам ничего не представляется утешительнее и *справедливее этого!* – с болезненным чувством вскрикнул Раскольников. – *Справедливее? А почему знать, может быть, это и есть справедливое, и знаете, я бы так непременно нарочно сделал!*» (6, 221).

Вернемся к различению аксиологических ориентиров по их статусу и к соответствующим заблуждениям героев. Принимать недостижимый идеал за ценность – это своеобразный аксиологический инфантилизм. Соня Мармеладова в романе, пожалуй, одна от него свободна (и еще – следователь Порфирий Петрович, но об этом будет сказано ниже). И потому у Сони прорываются нотки взрослого сожаления по отношению к мачехе (которая требует справедливости «как ребенок»).

Или другой случай, напрямую связанный с идеалом. Вот Раскольников пристаёт к ней с вопросами о вере (привожу в сокращении):

- Так ты очень молишься Богу-то, Соня? – спросил он ее <...>.
- Что ж бы я без Бога-то была? – быстро, энергичски прошептала она <...>
- А тебе Бог что за это делает? <...>
- Молчите! Не спрашивайте! Вы не стойте!.. – вскрикнула она вдруг, строго и гневно смотря на него (6, 248).

Здесь в последних авторских эпитетах подчеркнута опять-таки взрослая строгость Сони. Потому что Раскольников слишком далеко зашел. Этот его вопрос – «А тебе Бог что за это делает?» – по-детски наивен, а по-взрослому аксиологически инфантилен. Для него самого Бог – и не ценность, и даже не идеал. Но он полагает, что верующая Соня могла бы от Бога чего-то ожидать, если не требовать (как это свойственно, например, Катерине Ивановне – вспомним ее религиозные претензии у постели умирающего мужа). По Раскольникову, подобное отношение к Богу у верующих должно быть *нормальным*.

И здесь уместно подключить к разговору именно *нормы*. Согласно нашему подходу, их уровень в аксиологической среде как бы самый низший, но вместе с тем исходный. Статус норм в аксиологических соотношениях носит как минимум двоякий характер.

Во-первых, в нормах реализуется стремление человека к ценностям. Чтобы чего-то достичь, нужно определенным образом настроиться и что-то делать (или, напротив, чего-то не делать). К примеру, для Дуни Раскольниковой несомненной, подсознательной ценностью является собственное достоинство. При сложившихся жизненных обстоятельствах достигать этой ценности непросто. Однако гордая девушка находит приемлемые для себя и соответствующие этой ценности нормы. Она решается на самоотвержение – готова пойти замуж за мерзкого ей Лужина. Правда, истинная ее ценность – достоинство – подменяется при этом другой – благополучием семьи. Таким образом, на сознательном уровне происходит своего рода аксиологический самообман. Как и самообман Раскольникова, эта ложная переориентация ценностей у его сестры в конечном счете также не проходит испытания обстоятельствами. Когда Свидригайлов (а он, заметим, не чета пошлому Лужину) пред-

лагает Дуне спасти брата – и уже не просто от нищеты, а от каторги, – и для этого нужно пойти к нему содержанкой, – то гордая девушка не в силах на это решиться. Потому что в случае с Лужиным это был бы ее подвиг, очевидный для всех. Ей было бы чем гордиться. А в случае со Свидригайловым, напротив, принципиальна секретность, и значит, требуется истинная жертвенность, неявная для окружающих.

Чего же не выдерживает при этом Дуня с аксиологической точки зрения? Фактически нормы оказались для нее непосильны, и в результате обе ценности (собственное достоинство и благополучие родных) по сути поставлены под сомнение. В этом аспекте Дуня противопоставлена Соне Мармеладовой. Автор даже Раскольникову заставляет заметить разницу: сестра *горда*, и подлинное самоотвержение для нее – никакая не *норма*. Скорее это само по себе обернулось для нее *ценностью*. К самоотвержению тоже нужно быть готовой, до этого нужно еще дорасти. Таким образом, недостаточно произвольно избрать себе ориентиром что-то одно и средством к его достижению – что-то другое. Так рождаются лишь аксиологические самообманы.

Здесь уместно вернуться к пониманию статуса норм в аксиологическом измерении и кое-что уточнить. Как уже сказано, нормы – это начальный уровень аксиологической ориентации. Они – средство к достижению ценностей, т. е. функциональны. Однако если с них всё начинается, то в том числе начинаются и заблуждения, – например, в определении своих ценностных приоритетов, и вообще в самооценке. Это можно было видеть на примере Авдотьи Романовны. Нормы могут находиться в диалектическом и динамичном соотношении с остальными аксиологическими ориентирами – ценностями и идеалами. Все эти ориентиры связаны функционально и даже генетически. То, что вчера было ценностью, сегодня уже норма. Но и в каждом «сегодня», т. е. в любой момент судьбы, возможно оказываются процессы не только взаимоподмены, но и взаимоперехода. Кажалось: норма, – обернулось ценностью (и наоборот).

Роман «Преступление и наказание» (как и любой другой роман Достоевского) перенасыщен кризисными моментами в судьбах персонажей. Фактически процессы аксиологических самообманов разворачиваются в нем непрерывно, не прекращаясь. И в этом смысл выражения, которое вынесено в формулировку темы для настоящей статьи («поле аксиологической

напряженности...»). Особая насыщенность такого поля (т.е. процессов аксиологической ориентации) характерна, конечно, для кульминационных сцен – это беседы Раскольникова с Порфирием Петровичем, с Соней и др.

Возьмем для примера три свидания героя с Порфирием. Virtuозность тактики следователя выражается, помимо прочего, в том, что он тонко чувствует аксиологический самообман противника и ловко умеет на этом играть. Ведь Раскольников в своей теории пренебрежительно расценивает значимость общепринятых жизненных норм. Они будто бы – удел «людей консервативных, чинных, живущих в послушании». Другое дело – человек «необыкновенный»: он «имеет право... <...> разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи <...> того потребует» (6, 199). И затем добавляет: «...смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, – *это заметьте*» (6, 200). Заметим и мы, что речь у Раскольникова идет фактически о том, что мы называем нормами и ценностями. Только имеет он в виду упрощенную схему их соотношения: обычные нормы – для обычных людей; а необыкновенные герои во имя своих идей (т.е. ценностей) могут легко переступить общепринятые нормы, и это само по себе для них – нормально. Одни нормы легко, по произвольной инициативе, заменяются другими. Другое дело – ценности. «Смотря <...> по идее и по размерам ее», – подчеркивает Раскольников, т.е. ценностные идеи для него приоритетны, они определяют собою доступные человеку нормы.

В этой связи примечательна смысловая переключка ярких замечаний Раскольникова и Порфирия Петровича. Первый из них язвит по поводу «обыкновенных» людей: «...по некоторой игривости природы, в которой не отказано даже и корове, весьма многие из них любят воображать себя передовыми людьми» (6, 201), – тогда они тоже пытаются нарушать нормы и попадают впросак. Порфирий, в свою очередь, «со страшной фамильярностью» (по авторской ремарке) язвит уже явно в адрес самого Раскольникова: «Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» (6, 204). Оба как будто солидарны в том, что обмануться в ценностях, в собственных приоритетах – обычное дело. А решающая разница в том, что Порфирий, в отличие от противника, знает цену и *нормам*. В них тоже слишком даже можно обмануться. Они гораздо

ближе самой натуре человека, потому что фактически порождены ею.

Именно этого Раскольников до времени не признаёт. Очевидная ценность для него – собственная натура, самостоятельная позиция, способность сказать «новое слово». И он полагает, что может избрать соответствующие нормы жизнедеятельности, как личные «правила игры». Например, такие: «...взять просто-запросто всё за хвост и стряхнуть к черту!» (6, 321). Только оказалось, что «стряхнуть к черту» понадобилось собственную природу, потому что «проливать кровь по совести» – одна из норм теоретической «необыкновенности» – вовсе его натуре не свойственно. Позднее Раскольников, уже вполне понявший себя, «перетавив на себе» эту норму и надорвавшись, догадается, что «кто много посмеет, тот у них (у людей. – А. В.) и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее!» (Там же). Но здесь взаимозависимость аксиологических ориентиров лишь перевернулась с ног на голову: оказывается, нормы определяют ценностную позицию личности («кто на большее может плюнуть...»).

Однако на самом деле всё обстоит сложнее. И это хорошо знает Порфирий Петрович. Сам он не только отдаёт должное нормам, но виртуозно владеет самыми разными стилями поведения, как будто меняет маски и роли. Разумихин свидетельствует: «...он по две недели таким образом выдерживает. Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет: два месяца стоял на своем! Недавно вздумал уверять, что жениться...» (6, 198). Это для Порфирия – род игры, но не только ради забавы. Вот он обещает Раскольникову: «Подождите, я и вас проведу...» (Там же), – и игра пойдет уже всерьез.

При второй встрече следовательно, непрерывно меняя тактику поведения (т. е. те же нормы), заставит и противника лихорадочно менять его роли: то он – случайный собеседник; то – соучастник следователя в распутывании преступления; то – гордый человек, взбешенный несправедливыми подозрениями, – и т. д.

При третьей встрече многое изменится. Например, уже не только нормы поведения, но и ценности самого широкого спектра будет предлагать Порфирий к услугам Раскольникова. Среди них, например, – чистая совесть. Или вот такие фрагменты: «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть

кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – *если только веру иль Бога найдет. Ну, и найдите, и будете жить*» (6, 351); еще ценность: «Тут уж *справедливость. Вот исполните-ка, что требует справедливость*» (Там же); другая ценность: «...*страданье*, Родион Романыч, великая вещь <...>; *в страдании есть идея*» (6, 352); и даже такая ценность: «*Станьте солнцем*, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» (Там же). Последняя, пожалуй, походит уже на идеал, – а почему бы и нет? Порфирий Петрович открывает Раскольникову доступность и такого, высшего уровня аксиологической ориентации.

Что касается самого Порфирия, то для него характерно не только гибкое владение всевозможными нормами. Еще более важен органичный баланс между разными его аксиологическими ориентирами. Какие, например, ценности угадываются в его позиции? Прежде всего – содействие справедливости, пусть даже и недоступной всегда и в полной мере (здесь этот умудренный опытом персонаж, пожалуй, мог бы согласиться с Соней Мармеладовой). Но другая несомненная ценность для Порфирия – это собственная личность и ее превосходство в столкновении с любым противником и в любых обстоятельствах. Последнее отчасти роднит его с Раскольниковым – именно потому он так хорошо его понимает. Но у Порфирия его ценности согласованы между собой; и в то же время им соответствуют, на них *одновременно работают* и всевозможные нормы его поведения. Преследуя Раскольникова, он действует как во имя справедливости, так и во имя собственного превосходства.

Наконец, следует обратить внимание еще на одну узловую в аксиологическом отношении ситуацию. В сцене окончательного признания Раскольникова Соне поле аксиологической напряженности приобретает особую насыщенность за счет того, что он как бы инвентаризирует, перебирает одну за другой причины, по которым он решился на убийство. Интересно, что в этой сцене чередуются и накладываются одна на другую две парадигмы. Вначале перебираются причины, по которым герой пришел к Соне. «И зачем, зачем я пришел!» (6, 318) – это в разных вариациях неоднократно повторяется, и всякий раз даются разные ответы. Важно заметить, что перебираются при этом именно причины, и только. Но в рефлексии Раскольникова по поводу убийства этого понятия – *причины* – уже явно не-

достаточно. «Совсем, совсем, совсем тут другие причины!..» (6, 320), – восклицает он, потому что ему тесно в рамках значений этого слова. Он пошел на преступление не *для чего-то*, а *во имя чего-то*, – а это уже измерение ценностей.

Он перебирает одно за другим и сам же поправляет, даже обличает себя в заблуждении или во лжи («А впрочем, я вру, Соня...»). Но читателей романа автор приобщил к изначальным перипетиям внутреннего мира героя, и потому нам должно быть ясно, что он вовсе не лжет – ни себе, ни Соне. Всё то, что он называет в качестве «причин» преступления, воздействовало на него и сработало в комплексе. Однако он выстраивает всего лишь линейную цепочку, пытаюсь пройти ее до конца: не одно, так другое; не другое, так третье; – и т. д. Приоритетность причин; первопричина – всё это понятия известные, но малопродуктивные. За ними не стоит никакой логики, которая бы объясняла саму динамику соотношения и взаимозависимости всех этих начал. Между тем аксиологическая логика всё это объяснить способна. Потому что человек (и, разумеется, герой Достоевского) не совершает поступки по цепочке причин и следствий. Это даже не линейно, а *плоско*. Но система ценностных ориентиров – совсем другое дело. Здесь даже две ценности способны создать аксиологическую среду. Раскольников же буквально путается в поле притяжения самых разнообразных ценностей. Плотность аксиологической напряженности в душе этого героя достигла критических значений – до вязкости, до духоты. И потому ему советуют: «Вам теперь только воздуху надо, воздуху!» (6, 351). Между прочим, эту рекомендацию буквально повторяют, независимо друг от друга, два самых чутких персонажа романа – Свидригайлов и Порфирий Петрович.

Этот воздух привнесет в душевный мир Раскольникова Соня Мармеладова, подтверждением чему может служить реплика внутреннего монолога героя (последняя в романе): «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...» (6, 422). В этой новой аксиологической «атмосфере» герою уже можно было жить и дышать.